

На правах рукописи

БАБКИН Сергей Вадимович

**МОТИВЫ И ОБРАЗЫ ВЛАСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ 1920-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
САРАТОВСКИХ ИЗДАНИЙ)**

10.01.01 – русская литература

10.01.10 – журналистика

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов – 2012

Работа выполнена на кафедре общего литературоведения и журналистики ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор

Елина Елена Генриховна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой логопедии и
психолингвистики ФГБОУ ВПО «Саратовский
государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского»

Крючков Владимир Петрович

Кандидат филологических наук, доцент, доцент
кафедры журналистики и связей с
общественностью ФГБОУ ВПО «Орловский
государственный университет»

Дмитровский Андрей Леонидович

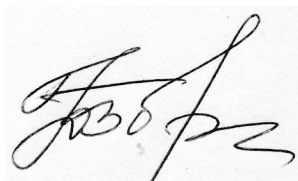
Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
университет»

Защита состоится «___» _____ 2012 г. в ___ час. на заседании диссертационного совета Д 212.243.02, созданного на базе Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус XI, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю.Н. Борисов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последнее десятилетие наметился устойчивый научный интерес литературоведов и ученых-журналистов к периоду 1920-х годов, к его культурной ситуации и общественно-политическим тенденциям. Во многом обращение к этой интереснейшей эпохе именно в наше время объясняется тем, что теперь между событиями рассматриваемого исторического периода и XXI веком образовался почти 90-летний промежуток, предоставляющий возможность объективно и беспристрастно дать оценки различным аспектам литературной ситуации «двадцатых», выявить ряд пропагандистских и творческих тенденций.

Особенно часто внимание исследователей привлекают такие феномены 1920-х годов, как установление партийной цензуры, значительный пропагандистский пафос литературы, разработка и применение методов мощнейшего воздействия на массовое сознание. В современных трудах Г.А. Белой, М.М. Голубкова, Е.А. Добренко, Е.Г. Елиной, М.О. Чудаковой рассматриваются главные научные вопросы литературоведения, обращенного к «двадцатым». Наибольшее внимание уделено становлению агитационной составляющей литературы, ярким моментам противостояния различных литературных групп, роли литературной критики в социокультурном пространстве эпохи. Философские предпосылки теоретического базиса литературного процесса 1920-х годов рассмотрены в работах А.Г. Гачевой, О.А. Казниной, С.Г. Семеновой. Научную ценность представляют методологические разработки Я. Шафира и М.Ю. Левидова, которые на протяжении всей эпохи «двадцатых» анализировали вопросы, связанные с газетной культурой.

Исследователи четко разделяют столичный и провинциальный литературный процесс в 1920-е годы, при этом литературоведы не только не разграничивают литературу и журналистику в этот период, но и подчеркивают тесный симбиоз данных культурных отраслей. Такая конструкция литературной ситуации характерна для периодов, идеологический фон которых связан с общественно-политическими революционными переменами. Соответственно одной из главных творческих доминант писателей и журналистов становится образ власти и мотивы, порожденные переосмыслением политической ситуации. В Саратовской губернии в 1920-е годы литературная борьба складывалась иначе, чем в столице. Если в целом по стране Пролеткульт постепенно подавлялся РАПП,

то в крупной Поволжской провинции эти организации существовали совершенно бесконфликтно, причем литературные материалы, опубликованные П.А. Бугаенко, Е.Г. Елиной, Л.Е. Герасимовой, Е.Г. Трубецковой, иллюстрируют тот факт, что РАППовское отделение в Саратове было лишь дочерним подразделением местного Пролеткульта.

Власть в литературе и журналистике Саратова 1920-х годов подразделялась на три уровня: верховная, губернская и уездная, не менее отчетливо детерминировался пласт врагов режима. Для литературных и публицистических текстов, в которых упоминалась власть высшего уровня, где располагались руководители советского государства В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Н.К. Крупская, была характерна мифологизация и идеализация образов вождей. Образы власти губернского уровня уже не были столь архетипическими, однако авторитет этой группы персоналий оказывался незыблемым и критика в адрес руководителей Губисполкома явно негласно запрещалась. Наиболее уязвимым для идеологической атаки оказывались враги власти (растратчики, бывшие помещики) и уездное начальство. Если внутри категории «власть» саратовскими литераторами и журналистами выделяются три уровня, то сами творческие деятели образуют две категории: профессиональные писатели и корреспонденты, а также участники рабселькоровского движения. Именно эти разделения во многом и предопределили особенности архитектуры провинциальных изданий и способы создания и формы существования мотивов и образов власти.

Изучение различных аспектов литературно-журналистской ситуации 1920-х годов в настоящее время является одним из наиболее перспективных исследовательских направлений. Более 20 лет прошло со времени краха СССР, демократическая волна 1990-х годов с развенчанием ряда мифов советской эпохи, с переоценкой устоявшихся в российском обществе характеристик крупнейших политических событий также стала достоянием истории, поэтому обращение к мотивам и образам власти в эпоху становления советского государства в 1920-е годы сейчас приобретает особую **актуальность**.

В настоящем исследовании впервые предпринята попытка провести комплексный анализ творческого осмысления власти саратовскими журналистами и литераторами 1920-х годов, составить типологию образов региональной и верховной власти в губернской прессе, определить универсальность приемов создания портретов советских руководителей различного уровня в художественных и публицистических произведениях.

Универсализм в изображении нэпманов, буржуа, религиозных деятелей позволил выявить газетные штампы, постоянные лексические константы, способы создания художественных образов врагов власти, а также вычленил характерный для губернской прессы мотив, связанный с негативным изображением деятельности волостных исполнительных комитетов. Все это определяет **научную новизну** работы.

Цель диссертационного исследования – показать роль и функцию мотивов и образов власти в литературных и публицистических текстах; продемонстрировать универсальные методы изображения представителей власти, сравнить формы художественной интерпретации революционных перемен участниками рабселькорского движения и известными литераторами. Такая постановка вопроса определяет следующие **задачи** работы:

- структурировать литературно-публицистический материал, исходя из свойств образа власти;

- выявить объекты художественной рефлексии рабселькоров и профессиональных литераторов в связи с различными общественно-политическими явлениями;

- осознать методы создания образов представителя власти и врага режима.

Объектом исследования стали газеты и журналы, выходившие в Саратовской губернии в 1920-е годы – «Известия Саратовского Губисполкома», «Большевистский молодец», «Горнило», «Художественный Саратов», «Саррабис», произведения для детей, а также вошедшие в книги сборники А. Винокурова, Л. Гумилевского, П. Орешина.

Предмет исследования – формы создания образов представителей советского руководства и его врагов, характеристики мотивов власти в художественном и журналистском тексте.

Методологическая основа исследования предполагает использование таких методов, как комплексный анализ художественных и публицистических текстов в контексте литературно-общественной ситуации 1920-х годов, изучение мотивно-образной структуры литературных, паралитературных и журналистских произведений, сопоставительное исследование текстов, относящихся к различным видам творческой деятельности.

Теоретическую базу исследования составляют работы М.М. Бахтина, П.А. Бугаенко, А.Н. Веселовского, И.И. Виноградова, Е.А. Добренко, Е.Г.

Елиной, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, Ю.В. Манна, Н.К. Пиксанова, В.В. Прозорова, В.Я. Проппа и др.

Теоретическая значимость предпринятого исследования определяется выявлением новых жанровых разновидностей литературных текстов 1920-х годов на газетной полосе вплоть до их ухода из области литературы в область паралитературы и в область газетной публицистики.

Практическая значимость. Результаты проведенной аналитической работы могут найти применение при дальнейшем изучении отечественной литературы и журналистики 1920-х годов, а также в учебном процессе: в курсах лекций по истории отечественной журналистики и литературной критики, в спецкурсах по вопросам пропаганды и формирования общественного мнения, истории журналистики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Образы новой власти в литературе и журналистике Саратова 1920-х годов отличаются значительностью и конкретностью, воплощенной через показ таких человеческих качеств, как честность, чистота помыслов, благородство.
2. Мотив власти в детской литературе Саратова раскрывается через однолинейность трактовки революционных событий, примитивность композиционной структуры, заведомое устранение социальных противоречий, экспрессию, направленную на формирование четких идеологических установок.
3. Паралитература в газетном контексте Саратова 1920-х годов эксплуатирует некоторые черты фольклора, при этом отчетливо выражена вторичность этой группы текстов: требуемый властью пафос, назойливое декларирование идеологических оппозиций. Изображение власти в паралитературе отличается скупостью средств художественной выразительности, компенсируемой обилием восклицательных предложений, отрывочностью фраз, плакатностью письменной речи.
4. В прозе Л. Гумилевского мотив власти сопряжен с хаосом и социальным диссонансом. Конфликт обывателей и власти дан через разность идеологических горизонтов, отсутствие общих интересов, невозможность диалога.
5. Находясь под влиянием пролеткультовской поэзии, А. Винокуров и П. Орешин лишают понятие «власть» семантики, связанной с управлением

людьми. Власть в саратовской поэзии и прозе 1920-х годов – понятие абстрактное, обладающее космическим звучанием, насыщенное символикой дореволюционной морали, архетипическими мотивами, экспрессивной образностью.

6. Саратовская журналистика 1920-х годов позиционирует себя как одна из ипостасей новой, справедливой, строгой, монолитной власти. Для саратовской журналистики этого периода характерна диалектика «власть центральная» - «власть губернская». В изображении главных героев центральной власти – В.И. Ленина и М.И. Калинина – используется идиллическая тональность, оценки, выдержанные в превосходных степенях, былинная образность. Аналогичные художественно-публицистические приемы используются в показе образов местной власти – И.П. Ерасова, К.И. Плаксина, П.А. Галанина.

7. Враги власти изображаются в саратовской периодике 1920-х годов с широким использованием сатирических форм (историческая параллель, средства визуализации, идеологические клише и штампы, педалирование оппозиции «противник и сторонник власти», вульгарное масштабирование справедливой власти и ее врага, символика смерти, застоя, роскоши) и жанров (фельетон).

8. В литературных произведениях, созданных в Саратове 1920-х годов, враг советской власти чаще всего ассоциируется с мотивом монархизма. Отмечается устойчивость мифологемы, связанной со снижением образов людей, симпатизирующих «царскому режиму».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, Заключения и библиографического списка.

Материалы диссертации прошли **апробацию** на научных конференциях 2009, 2010, 2011-го годов «Филология и журналистика в начале XXI века» в Саратове, III Международной научно-практической конференции «Современная филология: теория и практика», 2011 в Москве.

Основное содержание работы

Во **Введении** рассматривается история вопроса, цель и задачи работы, обозначается понятийный аппарат диссертации, уточняются семантические горизонты терминов «мотив» и «образ», устанавливается четкое определение власти, характеризуется методика исследования, принцип отбора материала, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об

апробации научных результатов и их возможном применении.

В первой главе **«Мотивы и образы власти в литературном и паралитературном тексте»** аналитическому обзору подвергаются литературные материалы, печатавшиеся в саратовских периодических изданиях, отдельные прозаические и поэтические сборники П. Орешина, А. Винокурова и Л. Гумилевского, а также образцы детской литературы и журналистики 1920-х годов. Автор диссертационного исследования подробно останавливается на выявлении характерных мотивов и образов власти в произведениях, печатавшихся в литературно-художественных журналах «Художественный Саратов», «Горнило», альманахе «Взмахи».

На основании анализа различных литературных материалов выявляются универсалии в изображении советского руководства, в становлении значительную роль играют идеологические установки Пролеткульта, пользовавшегося господствующим положением в литературном Саратове 1920-х годов. Отмечается такая характерная черта функционирования образа власти, как архетипичность: второе рождение в литературе получают образы волжских бунтарей – Степана Разина и Емельяна Пугачева, которые подвергались в обозначенный период определенной идеализации.

На протяжении всех 1920-х годов рабоче-крестьянские авторы, помещавшие материалы в литературно-художественных изданиях Саратова, при изображении представителей власти, активно использовали мотив, связанный с внедрением в производство новых механизмов. По природе этот писательский ход не является новаторским, поскольку впервые появился в программном поэтическом сборнике одного из идеологов Пролеткульта А. Гастева «Поэзия рабочего удара». В значительной степени способы создания образа власти в сатирических саратовских журналах был калькирован с московских аналогов. Вместе с тем региональные авторы создали мотив, свойственный многим юморескам 1920-х годов: почти во всех недоработках обвинялись местные власти, в особенности волостные исполнительные комитеты (ВИКи). В остальном формы существования образа власти в сатирических изданиях соответствовали столичной публицистической традиции, налицо был конфликт атрибутов: с одной стороны, образу нэпмана и буржуа соответствовали такие детали, как цилиндр, фрак, брюшко, рабочий изображался человеком с развитой мускулатурой, из характерных примет пролетария выделялись молот, рабочий комбинезон.

Оставаясь в том же русле Пролеткультовской традиции, что и создатели сатирических изданий, редакторы и журналисты других губернских литературно-художественных журналов, тем не менее, многогранно переосмыслили революционные события в Саратове. Это стало причиной того, что у образа власти, создаваемом кругом авторов «Горнила», «Художественного Саратова» и других журналов и альманахов явно отмечается двойственность природы. Литераторы, сотрудничавшие в литературно-художественных изданиях Саратова, писали о власти как в положительном, так и в отрицательном ключе. Рассматривая позитивный образ, можно выделить его характерные свойства: собирательность либо индивидуальность в зависимости от контекста, архетипичность, экспрессивность. Основным средством художественной выразительности были антитеза (противопоставление старой и новой власти), сравнения (которые зачастую приобретали форму литературных клише: «пауки», «цепи», «оковы»), система новых символов, предполагавшая как отрицательные, так и положительные элементы (к первой группе относятся элементы роскоши, быта аристократии, ко второй – молот, серп, станок). Сотрудники литературно-художественных журналов Саратова при изображении власти во многом следовали Пролеткультовским традициям, что делало выступления в печати различных поэтов практически идентичными по ритмике и образно-символической структуре.

Вместе с тем представленный в диссертации материал подтверждает тезис о том, что изображение власти в литературно-художественных журналах Саратова 1920-х годов было преимущественно тенденциозным. Ставшие сквозными мотивы огня, мирового пожара, подчинения сложной техники рабочему становились данью литературной моде, поэтому мотивно-образный ряд стихов и рассказов в губернской периодике не отличался разнообразием.

Оригинальной формой бытования образов власти стала стилизация идеологического текста под литературный фольклор. Шуточные песни, частушки, басни стали неотъемлемой частью газеты 1920-х годов. Практически каждый первополосный материал, рассказывающий об экономических и политических преобразованиях, сопровождался стихотворением сомнительного литературного качества. Данный феномен имеет очевидное сходство с явлением, описанном в литературоведении как паралитература, то есть произведения, рассчитанные на массовость в ущерб художественности. Фабула таких текстов предельно проста, очевиден расчет

на простоту восприятия малообразованным потребителем информации. Образ власти в шуточных песенках и частушек обычно уходил на второй план, и правильность позиции советского руководства раскрывалась посредством диалогов простых людей, на которых направлены реформы. Вместе с тем, налицо именно стилизация под фольклор, поскольку от подлинно народных текстов газетные литературные поделки отличает отсутствие вариантов и перепевов – характерных черт произведений народного творчества. В целом бытование мотивов и образов власти в пролетарском художественном творчестве на страницах саратовских газет напрямую зависели, во-первых, от публицистического контекста, во-вторых, от функции отдельного паралитературного образца. поэтапная эволюция народного сегмента в газетной журналистике характеризовалась изменением жанрово-стилевых особенностей данной категории текстов. В зависимости от литературной формы, в которую были обличены авторские идеи, трансформировался и образ власти. Так, в подобных текстах, выступавших в роли иллюстративного материала и дополнения к собственно журналистской статье, образ власти наделялся чертами мифологического героя, вместе с тем он не персонифицировался и отождествлялся с читателем. Героями частушек становилось мелкое начальство, которое подвергалось критике со стороны неопределенного круга лиц.

При этом важно заметить, что начальный этап развития газетной паралитературы совпал с периодом укоренения детской литературы и журналистики в Саратове. Авторы идеологического фольклора и текстов для детей и юношества пользовались во многом схожими приемами в изображении образа власти, особенно на этапе становления массовой пролетарской литературы и литературы для самых маленьких. В отличие от массовой пролетарской литературы, литература для юношества находилась в определенном идеологическом вакууме, и на первые образцы детской журналистики директивы Наркомпроса еще не распространялись. В обозначенный период в Саратове под руководством известного в губернии литератора и публициста Леонтия Котомки (настоящее имя – В. Зеленский) издавалась газета «Детская правда», составленная преимущественно из сказок, рассказов и стихов участников пионерского движения. Из представленных текстов видна степень проникновения официальной пропаганды в жизнь молодежи. Образ власти в «Детской правде» присутствует в различных формах практически в каждой публикации. Ассоциации с официальной идеологией государства проявляются в детских

текстах на уровне бытовых деталей: например, в одном из эссе одним из положительных достижений новой советской власти представляется то, что ученики больше не обязаны вставать, приветствуя вошедшего в класс учителя.

Самобытный образ власти создается в произведениях П. Орешина и Л. Гумилевского. В поэтических сборниках Орешина впервые в Саратовской губернии получил второе рождение архетип Степана Разина как бунтаря, который по своей поэтической природе сходен с образом революционера. Бунтарская поэтика в творчестве П. Орешина во многом и определяет свойства образа власти, не наделенного конкретными очертаниями. В его стихах и поэмах власть – это некая абстракция, окруженная романтическим ореолом. Лирический герой Орешина не стремится к постижению физических параметров будущего, связанного со сменой общественно-политического строя, для него главное – ощущение праведности пути. Наиболее противоречивый образ власти создается в рассказах и ранних романах Л. Гумилевского, относящихся к саратовскому периоду творчества. Герои писателя – преимущественно крестьяне, не понимающие и потому с трудом принимающие общественно-политические перемены. При описании власти и советских реалий на первый план у Л. Гумилевского выходит мотив социального диссонанса: персонажи его произведений не способны к распознаванию высоких, морально-нравственных аспектов революции, их общественно-политический кругозор ограничен бытовыми трудностями: нуждой, голодом, гибелью детей на фронтах гражданской войны. Трагедия, по мысли Л. Гумилевского, заключается в том, что интеллигенция прекрасно осознает печальную истину: люди, руками которых творится революционный террор, сами четко не представляют генеральной идеи революции.

В книжных сборниках другого популярного саратовского автора А. Винокурова власть изображается в соответствии с традициями Пролеткульта. Лирические герои тождественны читателям – это такие же пролетарии, рядовые строители социализма. Высшей ценностью власти декларируется способность к борьбе за права трудящихся, при этом конечный результат противоборства социализма с атавистическими явлениями монархизма для лирического героя не имеет решающего значения, эффект первичности борьбы достигается за счет высокой концентрации описательных моментов, а на лексическом уровне – посредством отказа от глаголов будущего времени. В целом на лирику А. Винокурова и на особенности его творческого переосмысления революционных событий огромный отпечаток наложила

Пролеткультовская традиция. Особенно ярко это проявляется в ранней лирике, где образ власти трактуется как эфемерная субстанция, создаваемая посредством широко распространенных в ранней пролетарской поэзии мотивов огня и пожара.

Главным объектом исследования во второй главе **«Образы региональной и центральной власти в восприятии саратовских журналистов»** стали политические материалы ведущих региональных общественно-политических газет 1920-х годов «Известия Саратовского Губисполкома» и «Большевицкий молодец». В диссертации проводится разделение форм трактовки мотивов и образов власти не только в связи со степенью официозности изданий, но и в связи с разделением журналистского сообщества в первые годы советской власти на профессиональных корреспондентов и участников рабселькоровского движения.

Диалектика «власть центральная» - «власть региональная» лежит в основе архитектуры и содержания саратовских газет. Объем печатной площади, отводимой под международную и всероссийскую информацию, значительно превышал региональный новостной блок, сводившийся подчас к подборке рабселькоровских заметок, нескольким рекламам и объявлениям. Кроме того центральная власть обладала монолитностью и во многих случаях не подлежала разделению на персоналии. Исключением служили только в значительной степени мифологизированные образы вождей советского государства В.И. Ленина, Н.К. Крупской, М.И. Калинина, Л.Д. Троцкого. Одним из важнейших свойств верховной власти считалась строгость: неусыпный и усердный контроль за всеми сторонами жизни народа, контроль, предполагающий некую высшую справедливость. Мотив строгости власти располагал пролетарского читателя: изучая сообщения о тщательном надзоре за властью имущими среднего звена, рабочий и крестьянин получал ударную дозу пропагандистского наркотика, вызывающего мираж биполярного пространства – распорядители средств находились на одном полюсе, бедный народ России или Германии – на другом, а между ними, на правах верховного судьи, располагалась сила, контролирующая все процессы, но не имеющая отношения к Богу, советская власть.

Помимо строгости центральная власть в изображении саратовских журналистов 1920-х годов приобретала такую постоянную черту, как приближенность к народу. Одним из проявлений публицистической мимикрии высшего советского руководства было добавление обращения

«дедушка» к фамилиям партийных лидеров В.И. Ленина и М.И. Калинина. Уже спустя два года после смерти Владимира Ульянова (Ленина) в печати закрепилось сокращенное обозначение его персоналии – Ильич. Данные приемы позволяли журналистам-агитаторам создать эффект близкого присутствия справедливого властителя: стоило написать письмо или просто протянуть руку, казалось потребителю идеологически обработанной информации, как можно почувствовать рядом вождя. Смерть родоначальника большевизма сделала его фамилию и связанные с ней символы легендарными и священными.

Что касается представителей региональной власти, то руководители саратовского Губисполкома К.И. Плаксин и И.П. Ерасова позиционировались проводниками заветов Ильича на губернском уровне. Официальные отчеты с различных политических мероприятий выстраивались журналистами в том ключе, что завершающее слово, в котором сосредоточивались похвалы вождям и конструктивная критика в адрес вечно недорабатывающей местной власти, всегда принадлежало председателям Губисполкома, эти речи соответствующим образом выделялись, что выгодно отличало их от остальных элементов газетной полосы. Как центральная, так и высшая региональная власть была свободна от критических замечаний, однако образы руководителей губернского уровня не подвергались мифологизации.

Наиболее уязвимым для критиков оказался местный уровень власти. Чиновники, руководившие ВИКаами, представители дирекции небольших промышленных предприятий, все время находились под неусыпным контролем рабселькоров, то есть обычных работающих людей, жаждавших литературной славы и ожидающих возможности отомстить неугодному начальству. Значительно раскрепощало «народных корреспондентов» то, что писать в газету можно и под псевдонимами, но при этом губернские следственные органы, как сообщается в альманахе-справочнике «Весь Саратов на 1925-й год», все равно реагировали на каждое сообщение о чиновничьих недоработках.

Рабселькоры активно пользовались мнимой свободой слова, тем более что газеты часто печатали заметки авторов с явно суженным творческим кругозором. Данная особенность позволила сформировать собирательный негативный образ местной власти, имевшей широкий круг полномочий, но практически лишенной защитных ресурсов от огромной наступающей армии рабселькоров. О массовости этого движения в Саратовской губернии говорит хотя бы тот факт, что текстов от рабочих и крестьянских корреспондентов

официальной газеты «Известий Саратовского Губисполкома» хватало практически на всю третью полосу, это при том, что в печать шли далеко не все предложенные заметки. По данным альманаха-справочника «Весь Саратов за 1925 год», газета получала до сотни писем от рабселькоров ежедневно. В статье "Рабкор - детище революции", опубликованной в номере «Известий Саратовского Губисполкома» от 7 ноября 1925 года, по этому поводу говорится: "С Октябрьской революцией в газете появился новый человек... Рабкор стал постоянным гостем на страницах газеты. Через него газета укрепила свою непосредственную связь с рабочей массой, стала подлинно рабочей газетой, а не газетой для рабочих".

Представитель власти, изображаемый рабселькорами, - это типологический представитель органа местного самоуправления, который должен был стать рядовым строителем социализма в отдельно взятом уголке Саратовской земли. Характерен для рабселькорского движения при формировании образа власти был мотив «дуэли»: с одной стороны барьера был провокатор, с другой – ответчик; реализовывался данный принцип в виде полемики, но не глобальным, а по бытовым, житейским поводам. Распространены были заметки, вызывавшие полемику: при этом рабкоры и герои их материалов высказывали на газетных полосах противоположные взгляды на те или иные события. Эффективным для рабселькоров были «разоблачения» чиновников, публиковавших в газете бравадные отчеты о проведенных социально значимых мероприятиях.

Значительный пласт политического содержания региональной газеты был связан с информацией из-за рубежа. Нестабильность международного положения советской страны в первые годы ее существования вынуждала руководство государства проводить масштабную агитационную кампанию, направленную на создание негативных ассоциаций с рядом иностранных лидеров. Существительные или словосочетания, подменявшие собственные имена мировых политических игроков, повторялись в текстах журналистов и дублировались в карикатурах, преимущественно они носили гастрономический характер. Например, имя главы французского правительства Раймона Пуанкаре употреблялось вместе с сочетанием «красная икра» - символом чуждой советскому человеку роскоши, а рядом с гетманом Пилсудским литературные сотрудники и редакционные художники, как правило, изображали хромого кобылу. За конкретными персоналиями не были закреплены такие ассоциации, как черные цилиндры,

фраки, веера – эти атрибуты служили маркерами для определения любого представителя власти в буржуазных странах.

Во время обострения отношений советской России со странами Антанты популярной фигурой на страницах саратовских газет стал Пуанкаре. Наиболее востребованной при описании фигур такого масштаба у газетчиков была художественно-публицистическая группа жанров журналистики. Фельетоны, памфлеты и зарисовки на международные темы органично вписывались в газетный контекст, так как архитектура первой полосы «Известий Саратовского Губисполкома» требовала соседства короткого информационного сообщения с расширенным материалом, который давал аналитический отклик на то или иное международное событие.

Мощнейший критический вал литературных и журналистских произведений обрушился на противников режима, выявлению и разбору методов художественного и публицистического «разгрома» посвящена третья глава **«Образ врага власти и критические мотивы в публицистических и художественных текстах»**. Очевидно, что идеология новой общественно-политической и культурной формации, такой, которая была создана в России в 1920-е годы, предполагала наличие неких критериев, определяющих отношение власти к тому или иному классу. К врагам режима были отнесены религиозные деятели, растратчики, бывшие помещики, кроме этого в процессе литературной жизни зародились явления-враги: огромными мишенями стали религия и самогоноварение.

Говоря о собирательной составляющей образа врага власти, следует прежде всего обратиться к творческому наследию саратовских литераторов, относящемуся к 1921 – 1922-м годам, когда Поволжье потряс страшный голод. Произведения Н.Архангельского, Л. Гумилевского, П. Орешина, И. Советского давали читателю возможность точечного взгляда на действительность, их произведения отличало соседство бытописания с лирическими деталями. Широкий простор тема голода дала и начинающим деятелям пролетарского искусства, писавшим, по их собственному выражению, «не ради творчества, а ради идеи». Однако именно на примере образцов прозы и поэзии выдающихся саратовских авторов можно вычленить характерные черты описания голода как врага не только власти, но и вообще всего живого. В дальнейшем многие из средств, использованных писателями, откликнувшихся на события упомянутого периода, были взяты на вооружение и при создании других собирательных вражеских образов.

Основополагающей формой изображения негативного явления

служило относительное отождествление художественного повествования с газетным репортажем, для которого характерны фактурность, лаконичность фраз, отсутствие элементов аналитики, быстрое развитие действия, вытеснение авторского «я» и его замещение яркими образами непосредственных участников описываемых событий. Голод в Поволжье 1921-1922 годов изменил идейное содержание и публицистических, и художественных текстов. В газетах того времени неурожай вкупе с порожденными им негативными явлениями (спекуляцией на социально значимых товарах, мародерством и т.д.) недвусмысленно трактовался как враг трудового народа, а следовательно, и как враг власти. В газете «Известия Саратовского Губисполкома» появилась постоянная первополосная рубрика, освещавшая хронику трагических событий.

Сухие, несмотря на нарочитый остро социальный пафос газетные отчеты о трагических событиях, не могли дать объемной картины происходящего в саратовских деревнях. На фоне скупой хроники «Известий Саратовского Губисполкома» сюжеты Л. Гумилевского, связанные с темой голода, создают эффект присутствия читателя в голодном селе. О голоде Гумилевский писал в «Известия Саратовского Губисполкома», поэтому стиль этих произведений очень близок к репортажному. Безусловно, Гумилевский не писал репортажи в чистом виде. В его текстах, несмотря на их реальную фактическую основу, присутствовали элементы художественного вымысла. Кроме того, в контексте губернского литературного процесса его рассказы ярко констатировали трансформацию народного сознания от эйфории в связи со сменой власти до отчуждения всех общепринятых морально-нравственных установок, и такой перемены репортаж, помещаемый в рамки и клише газетного формата, показать не может.

Более конкретный образ врага советской власти, связанный с некоей отдельной личностью, у литераторов и журналистов Саратова, как правило, был связан с мотивом монархизма: явление, класс или отдельный человек заносился в негласный «черный список» газетчика и писателя, если выявлялось его сходство с теми или иными проявлениями и пережитками царизма. Избирательность в подборе исторических фактов при описании революционных событий позволяло выставить в черном свете фигуры многих российских самодержцев, но сильнее всего критический огонь был направлен по адресу людей с верноподданническими настроениями. Например, литературные сотрудники журнала «Горнило» создали образ маркелыча – имя этого персонажа одного из рассказов стало нарицательным,

оно обозначало гражданина, грезящего реставрацией старых порядков, неприемлемых в советской стране.

Широко распространенным способом изображения врага власти стало педалирование оппозиции «сторонник – противник режима», а также вульгарное масштабирование бытовых различий жизни пролетария и буржуа. Настойчиво пропагандировался культ скромной жизни, однако монашество отвергалось категорически. Любой упомянутый в тексте атрибут «сытого» существования немедленно становился объектом идеологической атаки, а некоторые вещественные атрибуты врага власти стали однозначными маркерами сомнительной репутации персонажа – к этой группе относились некоторые аристократические танцы, любые элементы праздного отдыха, веера, лорнеты и пр.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационной работы, намечаются векторы перспективного развития темы.

Выявленные стилистические черты творчества А. Винокурова, Л. Гумилевского и П. Орешина выходят на первый план как в их книжных сборниках, так и в журнальных и газетных публикациях. Произведения этих литераторов, которых в рамках диссертации относятся к категории профессиональных писателей (в противовес рабселькорам), соседствовали в саратовской периодике 1920-х годов с паралитературными элементами: псевдофольклорными стихами, частушками, песенками, служившими в большинстве случаев наглядными иллюстрациями пользы той или иной властной реформы. Очевидно изготовленные по заказу представителей губернского руководства, стилизованные под фольклор паралитературные тексты изображали власть исключительно в положительном ключе, а «народная» форма по сути позволяла директиве правительства мимикрировать под понятные неграмотному населению напевы и сказания.

Положительный образ власти активно создавался в детской литературе и журналистике. Оказавшись в определенном идеологическом вакууме, саратовские писатели-энтузиасты получили возможность пестовать новые формы творчества для детей вне идеологических рамок. Результатом свободы от догм становились довольно причудливые пролетарские сказки, в которых элемент художественного вымысла сводился практически к нулю, а основным мотивом оказывалась революционная реалистичность, борьба рабочего класса с сочувствующими монархизму. При этом изображающая власть детская литература не отходила от классических принципов создания текста для ребенка. В соответствии со сказочной эстетикой тиражировались

положительные образы животных (собака, лошадь), которые в духе времени наделялись чертами угнетенных зарубежной буржуазией пролетариев.

Рассмотренные в диссертации газетные материалы рабселькоров и профессиональных журналистов позволяют говорить о тенденциозном и многоуровневом изображении власти. Образ советского и губернского руководства в газетах был как абстрактным, так и соответствующим конкретным политическим персоналиям. Власть абстрактная для журналистов и рабселькоров была священным монолитом, свободным от критики, достойным аналогом угнетаемой на высшем уровне религии. Ключевые исторические фигуры 1920-х годов В.И. Ленин и М.И. Калинин, а также председатели Саратовского Губисполкома К.И. Плаксин и И.П. Ерасов постоянно присутствовали на страницах газет. Секретари Губисполкома изображались в роли заместителей Ильича, мудрых ретрансляторов и компетентных интерпретаторов директив верховной власти. Об этих персонах писали только профессиональные журналисты, в то время как творческий кругозор участников рабселькорского движения не выходил за пределы цеха или родного уезда. Заметки «народных корреспондентов» были преимущественно критическими и направленными против местного начальства. Аналогичным свойством обладали саратовские сатирические журналы «Метла» и «Клещи», в значительной степени калькированные с московских аналогов.

Одним из возможных направлений дальнейшей разработки темы диссертационного исследования считаются образцы литературной критики. Помимо этого в качестве перспективного обозначается исследование способов создания и бытования мотивов и образов власти в художественных и публицистических текстах Саратова 1927 – 1930-х годов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Бабкин С.В. Мотивы и образы власти в книжных сборниках П. Орешина, Л. Гумилевского и А. Винокурова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Саратов, 2011. Т. 11: Серия Филология. Журналистика. Вып. 4. С. 70-75.

2. Бабкин С.В. Формирование образа власти в детской литературе и журналистике Саратова в 1920-е годы // Научная перспектива: научно-аналитический журнал. Уфа, 2010. № 12. С. 65-68.

3. Бабкин С.В. Мотивы и образы власти в паралитературных текстах саратовской периодики 1920-х годов // Современная филология: теория и практика: материалы III научно-практической конференции 29-30 декабря 2010 г. Москва, 2010. С. 13-16.

4. Бабкин С.В. Жанрово-стилевые особенности заметок селькоров и рабкоров в «Саратовских известиях» 1920-х гг. // Научные исследования студентов Саратовского государственного университета: материалы итоговой студенческой научной конференции 15 мая 2008 г. Саратов, 2008. С. 113-115.

5. Бабкин С.В. Формирование образа власти саратовскими журналистами 1920-х годов // Институты власти в языке, литературе и журналистике России: сборник научных статей. Саратов, 2009. С. 11-15.

Подписано к печати 04.07.2012 г. Формат 60x48 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1,25 Тираж 100 экз. Заказ № 184-Т

Отпечатано в типографии СГУ
Саратов, Большая Казачья 112-а
Тел. (8452) 27-33-85

